

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как
инострannого

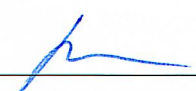
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Функции перформативов в языке сочинений протопопа
Аввакума

Исполнитель Фофанова Татьяна Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель кандидат педагогических наук
(ученая степень, ученое звание)
Васильева Инга Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

И.О.заведующего кафедрой
(подпись)

кандидат педагогических наук
(ученая степень, ученое звание)
Виноградова Марина Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

«25» июня 2026 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2026

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРФОРМАТИВОВ В СТАРОРУССКОМ ЦЕРКОВНО-ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	9
1. 1 Становление прагматики и базовые понятия теории речевых актов	9
1. 2 Эволюция понятия перформатива в лингвистике XX—XXI вв.....	13
1. 3 Таксономия перформативных высказываний: сравнительный анализ	16
1. 4 Историческая прагматика и перформативы в диахронии.....	19
1. 5 Эксплицитные и имплицитные перформативы: проблема границ	25
Выводы к 1 главе:.....	29
ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЯ ПЕРФОРМАТИВОВ В ДИСКУРСЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА.....	31
2.1 Общая характеристика перформативов в дискурсе протопопа Аввакума	31
2.2 Комиссивы в дискурсе протопопа Аввакума	32
2.3. Экспрессивы в дискурсе протопопа Аввакума	34
Выводы ко 2 главе:.....	37
ГЛАВА 3. ДИРЕКТИВНЫЕ ПЕРФОРМАТИВЫ: СИНТАКСИС И ПРАГМАТИКА	39
3.1 Синтаксические модели директивов у Аввакума	39
3.1.1 Основные модели и их структура	39
3.1.2 Распределение синтаксических моделей по типу адресата...	40
3.2 Прагматическая типология: функции директивных стратегий.....	42
3.2.1 Двухуровневая система классификации.....	42
3.2.2 Конативные директивы	44
3.2.1.1 Сакральные конативные директивы	44
3.2.1.2 Дидактические конативные директивы.....	46

3.2.1.3 Ритуально-символические конативные директивы.....	47
3.2.1.4 Автодирективы.....	48
3. 2. 3 Аргументативные директивы	49
3. 2. 4 Фатические директивы.....	50
Выводы к 3 главе:.....	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	54
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	56
ПРИЛОЖЕНИЕ	63

ВВЕДЕНИЕ

Современная лингвистика становится всё более антропоцентричной, возникают новые направления, изучающие связь языка с различными проявлениями присутствия человека в мире. Во второй половине XX века разрабатывается концепция языковой личности Ю. Н. Караулова [20], возникает прагматика как отдельная дисциплина. В последние несколько десятилетий развивается историческая прагматика, предметом изучения которой становятся прагматические явления языка в развитии (диахрония) или, в другой, дополняющей первую, трактовке — на определённом его синхронном срезе (достаточно удалённом от современности, чтобы можно было считать его историей языка) [18, с. 45—47]. Такие исследования обусловлены интересом к личности в истории, реконструкции внутреннего мира людей других эпох.

Данная работа также возникла вследствие интереса к языковому портрету русского религиозного деятеля и писателя протопопа Аввакума Петрова (1620–1682), одного из духовных лидеров раскола Русской церкви в XVII веке, чьи тексты сохранили живость речевого поведения. Ещё В. В. Виноградов в работе, посвящённой Аввакуму, писал: «Лингвист не может освободить себя от решения вопроса о способах использования преобразующей личностью того языкового сокровища, которым она могла располагать» [13, с. 196].

Скорее всего, русская литература не знала бы произведений этого человека, главные интересы которого лежали не в сфере литературного творчества, если бы не реформы патриарха Никона. Перу протопопа Аввакума принадлежит свыше 80 сочинений: «Книга бесед», «Книга толкований», «Книга обличений», челобитные, письма, послания. Самым известным произведением остаётся его автобиография, датированное 1672 годом «Житие», отражающее события эпохи раскола Русской церкви. Необычное,

выходящее за пределы жанра, новаторское для своего времени «Житие» неоднократно привлекало внимание исследователей. Все эти произведения появились в особой ситуации. Пламенный защитник старой веры, Аввакум, по своему глубокому внутреннему убеждению, не мог оставаться в стороне от борьбы между старообрядцами и никонианами. Для находившегося в ссылке или остроге пастыря, человека дела, единственным средством воздействия на свою паству, спасения её от вечной гибели становится уже не устное, а письменное слово. В этом контексте особое значение приобретает прагматический потенциал слова, его способность не только описывать, но и изменять реальность — то, что в лингвистике описывается теорией перформативности. В основе данной работы лежит изначальное предположение о том, что тексты сочинений протопопа Аввакума должны содержать изрядное количество перформативных высказываний — языковых средств, способных изменять реальность.

Несмотря на обширную исследовательскую традицию, посвящённую Аввакуму (работы В. В. Виноградова [12], Д. С. Лихачёва [31], Н. К. Гудзия [15], Н. С. Демковой [17] и др.), системного анализа функций перформативов в его сочинениях до сих пор не проводилось.

Таким образом, **актуальность исследования** состоит в том, что оно выполнено на стыке исторической прагматики и анализа идиостиля. Материал позволяет проследить, как слово становится действием в рамках религиозно-полемического дискурса.

Научная новизна данной исследовательской работы состоит в том, что впервые систематизируются комиссивы и экспрессивы в сочинениях Аввакума, предлагается типология директивных перформативов применительно к его дискурсу. Кроме того, впервые исследуется корреляция между синтаксическими моделями и типами адресата на материале текстов Аввакума.

Объектом исследования являются перформативные высказывания.

Предмет исследования: прагматические функции и синтаксическая структура реализации перформативов в дискурсе протопопы Аввакума.

Материал исследования — тексты протопопы Аввакума из издания под редакцией Н. К. Гудзия [1]. Такое решение было продиктовано двумя причинами: 1) жанровое разнообразие собранных здесь произведений: «Житие», беседы, челобитные, письма — помогает создать представительную выборку; 2) текст подготовлен видным советским учёным Н. К. Гудзием, в издании решены вопросы перевода графики языка Московской Руси в современную, во всём остальном памятник не подвергался модификации. Цитирование в работе чётко следует во всех отношениях принципам данного издания. Ссылки для примеров из текстов, принадлежащих перу протопопы Аввакума, даются двояко: либо под номером, присвоенным им в таблице 1 в Приложении, либо обычным порядком (для примеров, не вошедших в таблицу).

Цель работы — построить прагматическую типологию перформативов на материале текстов протопопы Аввакума, выявив возможные взаимосвязи между синтаксическими моделями, прагматическими функциями и статусом адресата.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- составить корпус примеров перформативных высказываний из текстов Аввакума («Житие», беседы, челобитные, письма);
- выявить и классифицировать прагматические функции комиссивов, экспрессивов и директивов;
- описать синтаксические модели директивных перформативов;
- выявить основные стратегии использования перформативов в дискурсе Аввакума в зависимости от типа адресата (Бог, «свои», оппонент, сам автор).

Методологическая основа исследования. В качестве методов

использованы: 1) метод направленной выборки при выявлении высказываний вне зависимости от степени их эксплицитности; 2) прагматический анализ — при описании коммуникативной цели перформативов и введении расширенной типологии директивов; 3) синтаксический анализ — при описании формальных средств реализации директивов (с его помощью были построены синтаксические модели, которые позволили перейти от конкретных примеров к систематизации и обобщению); 4) метод контекстуального и интерпретативного анализа (поскольку одна и та же синтаксическая модель может служить разным целям, необходимо было учитывать коммуникативную ситуацию, что делало интерпретационный компонент анализа неизбежным); 5) метод количественного анализа — при подсчёте частотности разного рода (доминирующих функций, корреляций синтаксической модели и адресата и т. п.) Результатом сбора материала стала таблица, в которой каждый пример получил развёрнутую характеристику. Систематизация данных в таблице сделала возможным сравнительное обобщение. Фрагмент таблицы представлен в приложении.

Теоретическая значимость работы заключается в применении методов исторической прагматики к анализу памятника XVII века, что углубляет понимание того, как язык выступает средством изменения реальности в переломные эпохи.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в курсах по исторической прагматике, лингвопоэтике и при анализе древнерусских текстов.

Структура работы: работа состоит из введения, основной части, состоящей из трёх глав, заключения и списка используемой литературы.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены в исследовательской работе «Директивные перформативы в дискурсе протопопа Аввакума (синтаксический и прагматический аспект)», выполненной в рамках X сезона Международной олимпиады СПбГУ

«Petropolitan Science (Re)Search» для обучающихся и выпускников бакалавриата (направление «Лингвистика»). По итогам защиты работы автор удостоен диплома призёра.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРФОРМАТИВОВ В СТАРОРУССКОМ ЦЕРКОВНО- ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

1. 1 Становление прагматики и базовые понятия теории речевых актов

Язык — упорядоченная структура, построенная на знаках, то есть семиотическая система. В любой семиотической системе можно рассматривать три аспекта: синтактику (отношения между знаками), семантику (отношения между знаком и объектом, который он обозначает), прагматику (отношения между знаком и его пользователем).

На возникновение прагматики как языковедческой дисциплины повлияли идеи лингвистической философии — философского направления, сфокусированного на применении строгих методов для анализа естественного языка и тех базовых представлений, которые формируют языковую картину мира человека. Это направление окончательно сложилось к середине XX века. Целью лингвистической философии было предотвращение конфликтов, возникающих между людьми из-за различного понимания языка друг друга, а методологической основой послужил анализ двух важнейших форм языкового употребления: повседневной диалогической речи и рассуждений, связанных с практической деятельностью. Это разделение определило главные направления лингвистической философии: изучение обыденной речи и изучение языка морали. Лингвистическая философия, сосредоточившись на обыденной речи в действии, сместила фокус на её динамическую природу. Это включило в сферу её интересов анализ пропозициональных установок, их связь с содержанием высказывания, а также зависимость речи от контекста и коммуникативных целей.

Одним из ключевых понятий в прагматике является понятие перформатива. Оно происходит от латинского глагола «performo»

(«образовывать», «создавать») и в лингвистике обозначает высказывание, тождественное самому действию. Перформативное высказывание обретает свою силу тогда, когда оно вписано в жизненную ситуацию, влекущую за собой определённые последствия: создание новых юридических статусов, необходимость следовать клятве или приказу. При произнесении высказывания «я присягаю» говорящий не описывает действие, а напрямую совершает его, принимая на себя определённые моральные и социальные обязательства. Подобного рода действия являются невозможными без их вербального выражения: объявление войны вступает в силу только после его вербализации.

Основные функции языка — мыслеформирующая (структурирование мыслей, облечение их в форму) и коммуникативная (сообщение этих мыслей собеседнику). По этой причине «обычное» высказывание направлено вовне — на мир, события, чувства. В случае перформативов говорят об автореферентности: они обращены к самим себе. Перформатив — необходимое средство реализации «магической» и «ритуальной» функций языка, о которых говорит антрополог Б. Малиновский на материале архаичных обществ [32, с. 45]. Функции эти не исчезли с развитием цивилизации, а лишь видоизменились и встроились в современные практики (присяга президента, начало официального мероприятия, ритуалы общения).

Можно выделить несколько особенностей, присущих перформативу:

1. Типичной грамматической формой перформатива является глагол в 1-м лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения («Я запрещаю вам здесь купаться»), однако язык также допускает использование безличных перформативных конструкций («Здесь купаться запрещено»). Время действия, которое производится посредством употребления перформативного глагола, совпадает с моментом его произнесения, иными словами, ему присуща эквитемпоральность [24, с. 52].

2. Поскольку перформатив является действием, а не его описанием, он

не может быть истинным или ложным. Перформатив очень часто вводит пропозицию — семантический центр высказывания, обозначающий актуальное или потенциальное состояние дел, и только пропозиция может выступать объектом истинностной оценки. В этом отличие перформатива от других автореферентных высказываний. «Я понимаю, о чём я пишу» — автореферентность присутствует (размышление над собственным речевым актом), но это заявление о понимании, а не акт понимания как таковой. Можно возразить: «Вы не понимаете, о чём пишете!» Напротив, в высказывании «Я поздравляю вас с Днём рождения!» возражение «вы не поздравляете» невозможно, поэтому здесь — перформатив. Однако можно сказать: «Тáк – не поздравляют!» — и здесь мы переходим к третьей особенности перформатива.

3. Перформативное высказывание оценивается не как истинное / ложное, а как успешное / неуспешное (слово, которое должно «сработать»). Успешность, или «эффективность», зависит, по Остину, от ряда условий: самого существования ритуала, в рамках которого высказывание имеет силу; наличия «правильных» участников и обстоятельств; искренности намерений коммуниканта [34]. Эффективность перформатива — это частный случай «верифицируемости употреблением» Л. Витгенштейна, который говорил о том, что значение слова — это не объект, который оно обозначает, а его использование в языке. Слово работает в реальной речевой практике, а не является ярлыком для вещей или ментальных образов. Для перформатива сущность такой верификации — это ответ на вопрос: «Правильно ли я использовал эту фразу, чтобы изменить мир?»

4. Если выполнены все условия эффективности, то перформатив является успешным и имеет следствие: наступают изменения в социальной реальности в силу социальных норм и законов. «Приношу свои извинения!» — в случае успешности эти слова представляют собой социальный акт примирения, поскольку существуют социальные нормы приличий.

Если человек, не имеющий на то полномочий, заявит: «Объявляю вас

мужем и женой», перформатив будет неудачным в силу нарушения условия о «правильных участниках». Если же работник ЗАГСА произнесет эту же фразу в шутку, перформатив также не сработает, но уже из-за неподходящих обстоятельств и отсутствия серьезности намерений.

Перформатив — это самый прямой и явный способ сообщить «иллокутивную силу». Понятие иллокутивной силы было введено Остином [33] и развито американским философом Дж. Сёрлем. Иллокутивная сила — это цель или намерение, с которым произносится высказывание. Одно и то же высказывание может иметь разную иллокутивную силу в зависимости от контекста, интонации и намерения говорящего. Снимает неопределённость высказывания и делает коммуникацию предельно точной перформативный глагол — глагол, называющий речевое действие и употреблённый в определённой форме: 1 лица единственного числа (реже — множественного) настоящего времени изъявительного наклонения активного залога. «Я вам приказываю!» — перформатив, само действие. «Я вам приказал!» — констатив, описание действия. Связь между словом и действием изначально заложена в семантике перформативного глагола. Согласно теории австро-американского философа и лингвиста, З. Вендлера, глаголы, выражающие предосудительные иллокутивные цели (такие как лезть или клевета), не допускают перформативного употребления [11].

Выше было упомянуто, что перформативы обычно вводят пропозицию, что сближает их с высказываниями с глаголами пропозициональной установки (семантическому классу глаголов, выражающих отношение говорящего к какому-то содержанию): «думать», «считать», «хотеть», «желать», «радоваться». Перформатив, в отличие от этих глаголов, не просто передаёт мысли и чувства по поводу реальности, но эту реальность меняет.

Перформативный глагол сохраняет свою иллокутивную силу даже в случае модальной модификации. «Я, возможно, посоветую вам уйти» — это не описание возможного совета, а выражение неуверенности в самом акте

совета. Высказывание, силу которого говорящий намеренно ослабляет, придерживаясь стратегии вежливости в речи, называют смягчённым (ослабленным, косвенным) перформативом.

1. 2 Эволюция понятия перформатива в лингвистике XX—XXI вв.

Понятие перформатива было введено в лингвистику и философию языка британским философом Дж. Л. Остином. Истоки идеи о том, что некоторые высказывания являются не описаниями, а действиями, прослеживаются ещё в XVIII веке в работах Д. Юма [50]. В лингвистике она находит продолжение в разработанной Э. Бенвенистом теории дискурса [7].

Изначально Остин исходил из противопоставления перформативных высказываний так называемым «констативам» — высказываниям, которые описывают действительность и могут быть оценены с точки зрения истинности или ложности. Фраза «Идет дождь» является констативом: она либо истинна, либо ложна. Однако в процессе исследований Остин пришел к выводу, что это противопоставление не является жестким, и любое высказывание одновременно является действием (иллокутивным актом).

Теория Остина неоднократно подвергалась критике, которая, при этом, не отменяла его открытий, а уточняла и углубляла их. Как проблема, например, воспринимался «парадокс перформатива»: перформатив не описывает действие, а совершает его; однако, чтобы он «сработал», адресат должен обратиться не к своей «перформативной» компетенции, а к «дескриптивной» — знать значение этого слова как описание действия. Это создаёт логический круг, который был преодолен не через отвержение, а через смену угла зрения: очевидно, что люди не рождаются со знанием перформативов, а усваивают в детстве их как часть языка и культуры, постепенно формируя представление «эти слова = это действие». И это рассуждение прекрасно вписывается в общее понимание конвенциональной

природы любого языкового знака.

В 1970-е годы сторонники генеративной семантики пересмотрели понятие перформативности. Джон Росс выдвинул радикальную гипотезу, которая стала одним из символов этого направления в лингвистике: глубинная структура каждого повествовательного предложения содержит «высший» (по иллюкутивной силе и роли в структуре предложения) перформативный глагол, даже если на поверхности (в произнесенной фразе) его нет [5, с. 373]. Мы говорим: «Прекрасная погода», — и за этим стоит, по мнению генеративистов, следующая глубинная структура: [я заявляю вам [что погода прекрасная]]. Любое повествовательное предложение, таким образом, считается скрытым перформативом. Гипотеза Росса не игнорирует социальное / коммуникативное, а пытается описать его сугубо грамматическими средствами, что и приводит к «стиранию границ» между принципиально разными типами действий в реальном мире. Хотя его чисто синтаксическое решение не было принято, сама эта идея — что функциональная основа (акт утверждения, приказа, вопроса) первична — оказалась чрезвычайно продуктивной. До Росса лингвисты (следуя за Остином) искали формальные, поверхностные признаки перформатива: местоимение «я», глагол в настоящем времени. Опыт Росса и его критики показывает, что граница между перформативами и «неперформативами» — не жёсткая и абсолютная, а скорее функциональная и контекстно-зависимая.

Советская и российская лингвистика дала не просто комментарий к идеям Остина, а глубокое, оригинальное описание феномена перформативного высказывания, основанное на богатом материале русского языка и укорененное в традиции семантических и грамматических исследований.

Множество работ посвятила перформативам и смежным явлениям Н. Д. Арутюнова [5; 6]. Она предложила глубокую и детальную классификацию перформативных высказываний, выходящую за рамки простого следствия

правилам Остина; тщательно исследовала семантику и синтаксис русских перформативных глаголов («обещаю», «прошу», «клянусь», «объявляю», «советую»); ввела понятие «псевдоперформатива» и проанализировала класс высказываний, которые имеют форму перформатива, но не являются ими по сути; рассматривала перформативность в свете идеи о диктуме (объективном содержании высказывания) и модусе (его субъективной, оценочной части).

Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелёв [9] провели тонкий семантический анализ, который выявил специфику функционирования речевых актов в русском языке (в частности, перформативных употреблений). Они показали связь семантики и прагматики, описали различия между прямыми и косвенными способами выражения побуждения в русской языковой картине мира.

Также крайне важными для понимания связи семантики русского глагола и его перформативного потенциала оказались труды Е. В. Падучевой. Она исследовала классы глаголов, которые в определенных контекстах могут функционировать как перформативы [35, 37]. Падучева показала, что перформативность — это особенность прежде всего глаголов речи, которые в форме 1-го лица настоящего времени могут обозначать речевое действие [36].

В современной лингвистике изучение перформативов не только не прекратилось, но и стало одной из центральных, постоянно развивающихся тем. Современная лингвистика отошла от узкого понимания перформативов только как глаголов в форме 1-го лица. Перформативность рассматривается как свойство дискурса и социального взаимодействия.

В современной лингвистике изучение перформативов не только не прекратилось, но и стало одной из центральных, постоянно развивающихся тем. Как показано в работах П. Браун и С. Левинсона (см. изложение их теории в работе Т. В. Лариной [28]), а также в исследованиях институционального дискурса, перформативы функционируют в рамках целостных дискурсивных

практик (институциональный дискурс: суд, церковь, государство) и речевых жанров (речи на свадьбах, похоронах, инаугурациях). Изучается связь перформативов со стратегиями вежливости: например, выбор косвенной формы «Не мог бы ты закрыть окно?» вместо прямой «Я прошу тебя закрыть окно». Появилось также понятие «агрессивных перформативов» — оскорблений, угроз, объявлений бойкота как речевых актов, в каком-то смысле наносящих ущерб.

С появлением больших электронных корпусов текстов (как письменных, так и устных) изучение перформативов стало более эмпирическим. Исследователи могут анализировать, как часто и в каких именно контекстах используются те или иные перформативные глаголы в реальной речи. Корпуса помогают обнаруживать неочевидные, но устойчивые способы выражения перформативного значения.

В рамках социолингвистики и лингвистической антропологии изучается конструирование социальной и гендерной идентичности с помощью перформативов.

Перформативность исследуется не только как характеристика отдельного высказывания, но и как свойство дискурса в целом [14].

Изучение перформативов в современной лингвистике — динамичная и междисциплинарная область на стыке собственно лингвистики, философии, социологии и антропологии.

1. 3 Таксономия перформативных высказываний: сравнительный анализ

Фундаментальная потребность, лежащая в самой основе научного метода познания действительности, — это стремление к классификации. Классификация речевых актов позволяет не просто перечислить типы высказываний, а видеть структуру сложной области, иметь единый язык для

научного сообщества и, в конечном счёте, строить целостную теорию языка, функционирующего как действие. Однако вопрос таксономии перформативных высказываний остаётся до сих пор одной из ключевых проблем лингвистической прагматики.

Классификация Остина — это первая попытка упорядочить типы действий, совершаемых речью.

Остин выделил пять классов иллокутивных актов [34]:

- 1) вердиктивы — вынесение суждения, оценки, вердикта: «Я оцениваю ваш ответ на “отлично”»;
- 2) экзерситивы — акты осуществления власти, влияния, принятия решения в пользу или против какого-то действия: «Я объявляю заседание открытым»;
- 3) комиссивы — обязывают говорящего к какому-то будущему действию: «Гарантирую вам безопасность»;
- 4) бихейбитивы — акты, связанные с социальным поведением и реакцией на поведение других: «Приношу свои извинения»;
- 5) экспозитивы — акты, которые объясняют, как наши слова вписываются в беседу: «Отсюда мы заключаем, что...»

Американский философ Джон Сёрль развивал идеи Джона Остина о речевых актах. Сёрль сместил акцент с внешних условий на внутреннее психическое состояние говорящего. Он уточнил и дополнил классификацию, создав более универсальную и логичную систему, основанную на намерении говорящего (иллокутивной силе) [41]. Она лучше подходит для анализа художественных и публицистических текстов, где нет чётких ритуалов, как в суде или на церемонии:

- 1) репрезентативы (для Остина это просто констативы) — высказывания, которые что-то утверждают, описывают, предполагают: «[Утверждаю, что] во всех языках есть имена собственные»;
- 2) директивы — высказывания, целью которых является побуждение

слушающего к определённому действию: «Прошу закрыть дверь!»;

3) комиссивы — высказывания, которые обязывают говорящего к какому-то будущему действию: «Я клянусь говорить правду!»;

4) экспрессивы — выражают психологическое состояние говорящего по поводу ситуации: «Благодарю за помощь»;

5) декларативы — самые «чистые» перформативы, изменяют реальность одним только фактом произнесения высказывания: «Назначаю вас новым директором».

Директив по Сёрлю — перформативный речевой акт, который побуждает адресата к определённому действию. Примерами таких актов могут служить требование, приказ, просьба, совет. В лингвистике это явление также описывается через термин «каузация» — способность высказывания быть причиной (каузатором) действия адресата или изменения его состояния. В настоящей работе директивность понимается широко — как побуждение адресата к определённой реакции. Последняя может быть физическим действием; изменением ментального состояния (ср. церковный термин «покаяние» — μετάνοια, с др.-греч. «изменение ума») адресата или даже адресанта; созданием и поддержанием контакта для успешности коммуникации. Такой подход помогает описать полный спектр побудительных стратегий Аввакума, потому что он борется не за физические действия, а за веру и сознание своей паствы.

Российский лингвист Ю. Д. Апресян подходит к вопросу с позиции семантики и лексикографии, и его классификация более детально описывает именно русские речевые акты на основе семантики перформативных глаголов [4].

Основные классы речевых актов по Апресяну:

- 1) побуждение: приказ, просьба, мольба, совет, призыв;
- 2) обязательство: обещание, клятва, обет, угроза;
- 3) сообщение: утверждение, сообщение, предупреждение,

признание;

4) эмоциональная реакция: благодарность, упрек, похвала, проклятие, оскорбление, жалоба;

5) интеллектуальная реакция: возражение, согласие, оправдание;

6) ритуальные акты: приветствие, прощание, поздравление, соболезнование, благословение, отлучение.

В классификации Ю. Д. Апресяна есть категории, которых нет в чистом виде у Сёрля (поскольку они не характерны для американской ментальности), но которые значимы для мира Аввакума: клятва, обет, жалоба. Классификация Апресяна создана на материале русского языка и лучше отражает его коммуникативные особенности, что важно учитывать при анализе текста XVII века. Однако в данной работе за основу принята классификация Сёрля, поскольку она позволяет последовательно разграничить иллокутивные типы (директивы, комиссивы, экспрессивы).

Категории Апресяна (клятва, обет, жалоба) не исчезают из анализа — они распределяются в рамках сёрлевской типологии: клятва и обет рассматриваются как разновидности комиссивов, жалоба — как экспрессив. При этом формы их реализации у Аввакума (например, «живу и умираю» вместо «обещаю») отличаются от современных русских перформативных формул, что связано как с исторической стадией развития языка, так и с особенностями религиозного дискурса.

1. 4 Историческая прагматика и перформативы в диахронии

Универсальная идея Остина («слово как действие») наполняется совершенно разным содержанием в разных культурах. Зачастую в них отличаются «условия успешности». В некоторых языках существуют перформативные глаголы, которые сложно или невозможно точно перевести, потому что они обозначают уникальные для данной культуры действия.

Ритуальные формулы или заклинания коренных народов также могут являться перформативами, не имеющими прямых аналогов, основанными на местных культурных, а не универсальных научных представлениях. Доминирование прямых или косвенных перформативов, невербальный контекст их использования (жесты, позы) имеют культурную специфику. Непонимание этих различий ведёт к коммуникативным сбоям.

В подобной сложной ситуации оказывается исследователь, когда имеет дело с изучением речевых актов в диахронии. Способы совершения речевых актов тоже исторически изменчивы. То, как люди просили, приказывали или извинялись в прошлом, отличается от современных норм. При этом приходится работать только с письменными текстами, которые не отражают всю палитру процессов коммуникации. Зачастую утерян культурно-исторический контекст, легко приписать древнему тексту современное прочтение.

Восприятие текста во времена Аввакума так же могло быть совсем иным. М. И. Шапир отмечает: «В большинстве случаев узнать подлинный характер речевой установки автора практически невозможно... там, где лингвистическая прагматика позволяет выявить степень “субъективности” памятника, его историко-стилистическая характеристика не обязательно совпадает с прагматической» [48]. Осознание этих ограничений, однако, не обязывает полностью разделять пессимизм автора цитаты. Последовательное следование этому принципу делало бы запретной претензию на понимание любого текста, созданного в другую эпоху, будь то «Махабхарата» или «Слово о полку Игореве». Текст создаётся для понимания его адресатом, и мы исходим из того, что язык памятника сохраняет следы этого желания.

Таким образом, исследования в рамках направления, получившего название «исторической прагматики», без сомнения, могут обогащать диахроническую лингвистику. Они наблюдают изменения не только грамматики и фонетики, но и прагматической компетенции (уместного

использования высказывания в реальной жизни, «социального кода» языка) и определяемых ею коммуникативных стратегий; показывают способы совершения действий с помощью языка как продукт долгой культурной эволюции.

В отношении перформативности можно исследовать изменение перформативного потенциала глаголов, появление и исчезновение перформативных формул, сдвиги в условиях успешности перформативного акта.

Изучение перформативов у конкретного автора, отдалённого от нас в историческом и в большой степени также в культурном пространстве, может стать не просто узким лингвистическим анализом, а мощным инструментом, который открывает доступ к самому ядру поэтики писателя, ключом к его художественному миру. Перформативы — это слова-действия. С помощью их изучения в текстах мы можем наблюдать создание, изменение, разрушение реальности повествователем, степень его веры в силу слова как поступка. Перформативы являются двигателем сюжета, создают ярко выраженный идиостиль. Погружение в мир эпохи является при этом необходимым условием для изучения памятников прошедших времён.

Ключевой темой произведений протопопа Аввакума Петрова является духовное противостояние стойких приверженцев обряда предков и их противников — «злокозненных никониан», воспринимаемое как борьба Божьего и антихристового начал.

Религиозно-полемиический дискурс — это уникальный и сложный тип коммуникации, находящийся на стыке теологии, риторики и идеологической борьбы, насыщенный особыми языковыми приёмами. Его особенности проистекают из самой сути — это не просто спор, а столкновение фундаментальных картин мира.

В отличие от политического или научного спора, где возможен компромисс, здесь речь идет об абсолютной истине (спасении, правильном

пути, божественном откровении). Целью адресанта при этом является не переубеждение инакомыслящих (обычно справедливо представляемое как невозможное), а спасение своей паствы от заблуждений. Победа или поражение в такой дискуссии имеет экзистенциальное значение, что придаёт дискурсу высокий эмоциональный накал.

Любой аргумент должен быть верифицирован через авторитетный источник, каковым очень часто считаются строки священных текстов. Точка преткновения при этом — не сам текст, а его интерпретация, которая может быть при этом не логического, а эмоционально-эстетического характера, использовать сложные методы экзегезы.

Биполярность картины мира с ценностной нагрузкой, жёсткая дихотомия на своих и чужих является не недостатком, а естественным свойством мышления. Она создаёт мощный риторический инструмент: оппонент не просто ошибается, он служит силам зла. «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей», — слова, которые Ф.М. Достоевский вкладывает в уста Дмитрия в романе «Братья Карамазовы», хорошо отражают эту идею.

Конкретные особенности религиозно-полемиического дискурса зависят от эпохи. В Московской Руси XVII века это — стремление первых Романовых после Смуты к стабилизации всей жизни, включая религиозную; усиление контактов с Киевом и Грецией (приток образованных монахов, знакомство с иными богословскими и риторическими традициями); церковная реформа патриарха Никона (1650—1660-е гг.) По понятным причинам последнее явление приобретает для исследования нашего материала исключительную ценность. Необходимо указать, что, оспаривая церковную реформу, утверждённую царем и собором, старообрядцы по сути оспаривали легитимность самой власти. Религиозная полемика здесь приобретает социально-политическое измерение, а дискурс превращается в дискурс трагедии: обе стороны искренне верили в свою правоту и были готовы идти за

нее на страдания.

При изучении памятников древнерусской литературы актуальным становится вопрос о языке, на котором они написаны. Понятно, что этот язык не совпадает с современным языком, поэтому исследователь будет иметь дело с изучением определённого временного среза состояния языка. Начало историческому («диахроническому») подходу к изучению русского языка положил Ф. И. Буслаев, выпустив в 1858 году «Опыт исторической грамматики русского языка» [10]. Впоследствии историческая грамматика стала вузовской дисциплиной, особым направлением исследований. В существующих учебниках для разных периодов истории языка употребляются разные термины. Для периода, в который создавал свои произведения Аввакум, существует несколько названий: древнерусский язык, древнерусский литературный язык, старорусский язык, среднерусский язык, великорусский язык. В настоящем исследовании принимается термин «старорусский язык», поскольку он единственный применяется исключительно к периоду с XIV по XVII век и не допускает других толкований [2, с.17]. При анализе лексики и семантики примеров учитывались данные «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков» [42].

Этот язык употреблялся наряду с церковнославянским, что позволило Б.А. Успенскому говорить о явлении диглоссии, выражающемся в распределении функций языков и их восприятии как двух разновидностей одного и того же языка [46]. Древнерусский язык представлял собой результат выделения восточной группы славянских диалектов из праславянского языка. Древнерусский язык («киевское койне») был языком повседневного общения. Язык же богослужебных книг (старославянский) был основан на диалекте славян, живших в окрестностях города Солуни в IX веке, то есть представлял южнославянскую ветвь.

В дальнейшем на базе старославянского языка возникает

церковнославянский язык (этот термин подчёркивает его функциональную принадлежность, иногда старославянский даже называют древнецерковнославянским языком). Церковнославянский язык становится сакральным языком, сохраняется в богослужебных книгах почти в неизменном виде. Расхождение его с древнерусским и — далее — со старорусским языком Московского государства усиливается.

В 1696 году в Оксфорде немецкий филолог Генрих Вильгельм Лудольф издаёт в Оксфорде «Русскую грамматику». С. В. Литвинов указывает на то, что в этом труде ситуация диглоссии описана довольно ярко. «Параллельное использование славянского и русского языков было естественным для каждой определенной ситуации: невозможно было писать или рассуждать о “высоких материях”, пользуясь обиходным языком, как нельзя было в домашних беседах обходиться средствами только одного славянского языка. Лудольф говорил о том, что названия большинства вещей, употребляемых в обычной жизни, не встречаются в тех книгах, по которым учатся славянскому языку. Из этого он сделал вывод, что “разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски”» [30, с. 93—94].

Теория диглоссии Б. А. Успенского вызвала обильную критику, но то, что «в ходу» были элементы обоих языков, — бесспорно.

О народно-разговорном языке «Жития протопопа Аввакума», в который вкраплены церковнославянские элементы, писал В. В. Виноградов: «Основу его составляет разговорно-речевая стихия с яркой, эмоциональной окраской и обусловленным ею частым перебоем интонаций. Она органически сплетается с элементами церковно-книжного стиля» [13, с. 217]. Соединение церковнославянской и народно-разговорной языковых систем является существенной особенностью памятника.

Церковнославянский язык, будучи сакральным, придает перформативам, произнесенным на нем, особый вес и авторитет. Использование же народно-разговорного языка для совершения

перформативных актов (например, проклятий или увещаний) может служить мощным стилистическим приемом, приближающим слово к адресату и усиливая его эмоциональное воздействие. Таким образом, выбор языкового кода сам по себе становится прагматическим действием. Систематическое исследование влияния диглоссии на перформативный потенциал высказываний Аввакума в данной работе, однако, не проводится, поскольку требует отдельного рассмотрения.

1. 5 Эксплицитные и имплицитные перформативы: проблема границ

Дж. Л. Остин ввёл и чётко разграничил перформативы эксплицитные и имплицитные. «Слово как действие» можно совершить разными способами. Первый воспринимается как образцовый, канонический: перформативное высказывание формируется с помощью перформативного глагола изъявительного наклонения настоящего времени 1 лица единственного числа (реже множественного), и такое высказывание Остин назвал эксплицитным: «Я обещаю, что приду».

Дж. Остин рассматривал эксплицитные перформативы как вторичные по происхождению, полагая, что они развились из имплицитных перформативных высказываний.

Имплицитное перформативное высказывание является тем же самым действием, но на уровне грамматики и лексики выражается другими способами: «Я приду».

Проблема возникает, когда мы пытаемся провести четкую, непротиворечивую линию между этими двумя типами.

В главе «Эволюция понятий о перформативности» была упомянута гипотеза Росса: абсолютно любое высказывание на глубинном уровне содержит перформативный глагол. Если принять эту гипотезу, то граница между эксплицитными и имплицитными перформативами стирается, так как

все перформативы по сути эксплицитны. Однако эта гипотеза не получила широкого признания, так как перформативность определяется не глубинной структурой, а контекстом и намерением говорящего. В настоящей работе мы опираемся на традиционное понимание, различающее эксплицитные и имплицитные перформативы в зависимости от наличия перформативного глагола в поверхностной структуре высказывания.

Одно и то же высказывание может быть интерпретировано как имплицитная форма разных эксплицитных перформативов (перформативный синоним). «Душно как!» — это констатация, просьба, жалоба? Мы не можем однозначно сопоставить имплицитное высказывание с одним-единственным эксплицитным перформативом. Его сила зависит от контекста, намерения говорящего и восприятия слушающего.

Также мы уже упоминали о том, что перформативный глагол в «эксплицитной» форме не всегда выполняет перформативную функцию. Он может быть частью констатации, повествования или вопроса. «Я обещаю, что приду» / «Я всегда ей обещаю, что приду» — в последнем случае это не акт обещания, а описание своей привычки. «Каноническая» грамматическая форма не является, таким образом, безошибочным маркером, а контекст и интенция выходят на первый план. «Могу ли я не прийти на твою защиту [диплома]?» — в определённом контексте акт обещания «запускается» грамматической структурой, которая вступает в противоречие с буквальным смыслом высказывания.

Имплицитный перформатив может иметь ту же грамматическую форму глагола, что и простое констатирующее высказывание. В определённом контексте фраза «Я приду» выполняет ту же иллокутивную функцию, что и эксплицитное «Я обещаю, что приду».

Перформативность, таким образом, является не свойством самой грамматики высказывания, а свойством его использования в определённом контексте. «Не существует каких-то определенных, заранее известных

признаков, свидетельствующих о том, что конкретное высказывание является перформативным. Прежде всего, главными свойствами перформативов являются их аутореферентный характер» [27, с. 96]. Для глубокого анализа высказывания, лингвистического измерения социального действия становятся необходимыми: 1) иллокутивное намерение адресанта; 2) контекст высказывания; 3) конвенций, регулирующих общение в данной ситуации; 4) интерпретации адресата. «Семантика перформативов выступает как динамическое контекстно-зависимое значение, включающее лингвистические, социальные, когнитивные и референтные факторы» [19, с. 126]. Вышесказанное, безусловно, выводит нас из лингвистики в область других наук, поскольку перформатив в данном случае — это мост, соединяющий язык с жизнью.

Подключение момента интерпретации, отсутствие абсолютно надежных формальных (грамматических или лексических) критериев, который позволяли бы всегда и однозначно отличить эксплицитный перформатив от имплицитного, представляет известную трудность для анализа. Языковой материал при этом представляет некий континуум, а не чёткую систему бинарных оппозиций «эксплицитный перформатив / имплицитный перформатив».

Оказавшись в заточении в земляном срубе, Аввакум утратил возможность прямого воздействия на паству. Единственным инструментом, оставшимся в распоряжении человека действия, каким мы видим его в «Житии», стало слово. Таким образом, возникла гипотеза, что его писания, созданные в условиях острейшего религиозно-политического конфликта и личного мученичества и превратившиеся в главный способ борьбы и влияния на умы современников, должны быть насыщены перформативными высказываниями с силой, направленной на изменение духовного статуса, поведения или мировоззрения адресата. И. В. Четыркина определяет придание большего значения «перформативному» в сравнении с «текстуальным» как

общую культурную черту эпохи: «В лингвистике достаточно распространено мнение, что соотношение в тексте перформативного и текстуального в различных культурных пространствах различается: так, например, эпоха Средневековья и раннего Нового времени определяется как культура инсценирования. Перформативное играет здесь большую роль как существенная составляющая в бесконечных культурных действиях — репрезентация знаков власти, церемониальные и символические действия, ритуализированные жесты, игра, состязания, инсценирование религиозных и светских ритуалов» [47, с. 15].

Творчество протопопа Аввакума отличается небывалой для русской литературы того времени индивидуалистичностью. Но влияние средневекового мировоззрения, побуждающего автора осознавать своё скромное место, не считать свои писания интеллектуальной собственностью, воздавать славу Богу и действовать в первую очередь от его имени, нельзя переоценить. «...можно различать *я*-культуры и *мы*-культуры, причем последние выступают обычно как в определённом смысле более архаические. Языковым коррелятом культуры такого типа и является, надо полагать, известная “обезличенность” текста. “Обезличенность” естественным образом соотносится — хотя и не совпадает — со снижением роли агенса; и наоборот: повышение роли агенса связано с развитием персоналистских тенденций» [21].

Таким образом, в данной работе проверяется предположение о том, что так необходимая Аввакуму перформативность будет создаваться, скорее всего, имплицитными средствами. Учитывая это и предыдущее замечание (в отношении отсутствия чёткой дихотомии по шкале перформативной явности), обращение к теоретической базе перформативности в работе будет иметь характер скорее оптики, позволяющей более подробно рассмотреть идиолект «мятежного протопопа», нежели догмы.

При отборе материала прямая речь протопопа Аввакума в

повествовательных отрывках, произнесённая от его лица, тоже включалась в рассмотрение, поскольку она передаётся самим автором, а значит, как минимум совпадает с его представлением о своей речи, с его презентацией собственных речевых особенностей.

Ожидается, что данное исследование позволит не только каталогизировать перформативы в сочинениях протопопа Аввакума, но и продемонстрировать, как через речевые действия конструируется авторитет лидера раскола, формируется образ врага, мобилизуется и поддерживается религиозная община в условиях преследований. Это, в свою очередь, углубит понимание того, как язык становится орудием не только описания мира, но и его активного преобразования в переломные исторические эпохи.

Выводы к 1 главе:

В параграфе 1.1. мы рассмотрели сущность прагматики как лингвистической дисциплины, коснулись истории её возникновения, ввели понятие перформативного высказывания как одного из главных объектов изучения прагматики. Были описаны особенности, характерные для перформатива. Рассмотрено понятие иллюкутивной силы.

В параграфе 1.2. мы исследовали развитие лингвистических представлений о природе перформативности на протяжении XX—XXI вв. Были рассмотрены теория Дж. Л. Остина, впервые уделившая серьёзное внимание разделению всех высказываний на констативы и перформативы, гипотеза Дж. Росса о «вышем» перформативном глаголе в структуре любого предложения. Сделан краткий обзор работ о перформативах отечественных и зарубежных исследователей, дан небольшой анализ состояния данной области исследований на сегодняшний день.

В параграфе 1.3. мы рассмотрели различные типологии речевых актов, пересекающихся с попытками классифицировать перформативные высказывания: пять классов Остина, классификацию Сёрля, речевые акты по

Апресяну. Обоснован выбор классификации Сёрля для основы анализа в данной работе.

В параграфе 1.4. мы рассмотрели проблемы исследования речевых актов в диахронии, охарактеризовали значение изучения перформативов как инструмента для проникновения в мир эпохи и автора. Была описана специфика религиозно-полемиического дискурса, в русле которого написаны исследуемые тексты. Рассмотрен вопрос о языке письменных памятников, находящихся в центре изучения в работе, затронута проблема диглоссии в Московской Руси XVII века.

В параграфе 1.5 были введены понятия эксплицитного и имплицитного перформатива, рассмотрена проблема их разграничения, выдвинута гипотеза о предпочтительной имплицитной природе перформативов у Аввакума.

Таким образом, мы сделали вывод, что исследование перформативов в текстах протопопа Аввакума позволяет осознать механизмы воздействия автора на современников, вносит вклад в характеристику уникального литературного стиля этого выдающегося деятеля русской культуры.

ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЯ ПЕРФОРМАТИВОВ В ДИСКУРСЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

2.1 Общая характеристика перформативов в дискурсе протопопа Аввакума

В основе настоящего исследования лежит классификация Дж. Сёрля. Сёрль выделяет, как уже упоминалось выше, пять типов перформативных высказываний: ассертивы, комиссивы, экспрессивы, декларативы и директивы. Все типы перформативов встречаются в дискурсе протопопа Аввакума, но с некоторыми оговорками.

Ассертивы, как представляющие собой констатацию событий, мы не включили в рассмотрение, поскольку нашей темой фактически является изменение Аввакумом реальности с помощью языка, а не описание её.

В дискурсе преимущественно представлены директивы, то есть высказывания, побуждающие адресата к действию. Это объясняется особенностями коммуникативной ситуации физической изоляции автора: слово становится для него единственным инструментом воздействия на паству и власть. Как отмечает М. М. Будылина, «речевая организация Жития по сути своей — диалог автора с читателем, ибо автором выбрана сказовая манера повествования с введением эмоционально горестных или удивленных восклицаний, со сменой интонации, ассоциативным сцеплением мыслей, с введением обращений и вопросов к читателю» [8, с. 21]. Анализу директивов, вследствие их преобладания, будет посвящена отдельная, третья, глава исследования.

Декларативы не встречаются у Аввакума в чистом виде, поскольку проклятия и анафемы (которые потенциально могли бы быть отнесены к этому типу), прежде всего обладают директивной функцией. Они анализируются в третьей главе как религиозно-символические директивные конативы.

Итак, в данной главе мы рассмотрим два оставшихся вида

перформативов по сёрлевской классификации: комиссивы и экспрессивы. Комиссивами Сёрль называл высказывания, побуждающие самого говорящего к определённому действию: клятвы, обеты, формулы вероисповедания. Экспрессивы выражают эмоциональное состояние говорящего (жалобы, проклятия, сожаления, упрёки).

2.2 Комиссивы в дискурсе протопопы Аввакума

Комиссивы, по Дж. Сёрлю, представляют собой перформативные речевые акты, обязывающие говорящего к какому-либо действию в будущем. Классическими примерами комиссивов являются обещания, клятвы, обеты, исповедания. В исследуемом тексте комиссивы реализуются почти исключительно через дискурс религиозного, сакрального характера. Протопоп Аввакум исповедует свою твёрдую веру, обещает быть верным до конца — и от своего имени, и от имени своей паствы. Примеры, рассматриваемые с точки зрения прагматики, требуют уточнения коммуникативной ситуации и границ с другими типами перформативов.

На первых страницах «Жития» протопоп Аввакум излагает диалог Отца и Сына о сотворении человека, завершающийся словами: «Сице всяк веруай в онь не постыдится, а не веруай осужден будет и во веки погибнет» [1, с. 59]. После этого Аввакум пишет: «Сице аз, протопоп Аввакум, верую, сице исповедаю, с сим живу и умираю» [1, с. 59]. Перформатив «верую» основан на модели исповедания, лежащей в основе Никео-Цареградского Символа веры («Верую во Единого Бога-Отца, Вседержителя...») В беседе с единомышленником сказать: «Я верю» — это ассертив. Однако в контексте полемики времени раскола подобное высказывание не в частном, а в публичном пространстве — не просто констатация. Исповедание автоматически влекло за собой обет принять гонения, которые за ним неизбежно последуют. Акцент сделан на обязательстве, эмоциональное состояние здесь не выражается, что позволяет разграничить этот речевой акт

от экспрессива. Личное местоимение «аз» в данном случае является эмфатическим элементом (в общепринятом богослужебно Символе веры местоимения нет), а указание на сан — протопоп, то есть протоиерей — придаёт высказыванию, ориентированному на восприятие паствой, дополнительный вес.

Высказывание «... с сим живу и умираю...» [1, с. 59], которое завершает исповедание, начатое с «Сице аз... верую», так же, на наш взгляд, не ассертивно. «Живу и умираю», конечно же, не может значить, что Аввакум умирает во время написания текста. Коммуникативная ситуация придаёт ему комиссивный смысл. Мы имеем здесь дело с обетом жить согласно старым обычаям, не страшась смерти за них. Он почти синонимичен выражению «умру за единый аз...», ставшему символом решимости старообрядцев, непримиримости их позиции («единый аз» — опущение союза «а» из фрагмента Символа веры «рожденна, а не сотворенна...» [40, с. 46]).

В высказывании «Уповаю и надеюсь на Христа...» [1, с. 69] глаголы «уповаю» и «надеюсь» находятся на границе между экспрессивом (надежда, понимаемая как эмоция) и комиссивом (обязательством не отступать). Аввакум повествует о том, что ему пришёл указ о ещё более дальней ссылке, чем та, в которой он находился. В то же время он получает известие о море в Москве: «многия друзья и сродники померли» [1, с. 69]. И в собственной ссылке, и в народном бедствии он видит «пагубы за церковной раскол: мор, меч, разделение» [1, с. 69]. Контекстуально глаголы «уповаю» и «надеюсь» выражают в данном случае не абстрактное благочестивое заявление, а обязательство не отступать: упование предполагает верность Христу (понимаемую как приверженность старому обряду) вне зависимости от обстоятельств (в данном случае ссылки и бедствия).

В примере «Я по их [московских святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа] книгам верую Богу моему чистою совестью и служу» [1, с. 85] комиссив реализуется через глаголы «верую» и «служу». Аввакум объясняет,

что он сам исповедовал и причащал своих детей, ссылается при этом на церковные правила. Запрещение собора 1667 года так поступать он отвергает с грубой бранью («гузно тру»). В этом контексте Аввакум противопоставляет отступников московским святителям. Глагол «верую» мы обсуждали выше. Глагол «служу» в церковном дискурсе также обозначает статусность адресанта, как и название сана. Адресат получает не просто информацию, а заверение: автор действует в рамках авторитетной святоотеческой традиции. Ср. в современном русском языке: высказывание «я плачу налоги» будет выглядеть странно, если после его произнесения адресант перестанет указывать названное им действие. Такого типа конструкции означают одновременно обещание делать так и впредь.

Комиссив «Аще и умрети ми Бог изволит, с отступниками не соединяюся!» реализуется через отрицание действия. Это также клятва, близкая к мученическому исповеданию «древних житий-мантириев, одним из сюжетообразующих элементов которых был тоpos “прения о вере”» [3, с. 486].

Комиссивы у Аввакума, таким образом, не имеют канонической формы перформатива «обещаю». Они имплицитно реализуются через ритуальные формулы веры («верую») и служения («служу»), упования «уповаю», через клятвенные заверения («живу и умираю», «не соединяюся»). Все эти высказывания, по сути, объединяет одно: говорящий берёт на себя обязательство, которое в условиях гонений становится актом исповедничества.

2.3. Экспрессивы в дискурсе протопопа Аввакума

Следуя классификации Дж. Сёрля, можно определить экспрессивы как высказывания, выражающие психологическое состояние говорящего по поводу положения дел. В отличие от комиссивов, которые не только передают настоящее, но и призваны определять будущее, экспрессивы полностью

сосредоточены во временной точке их произнесения. В текстах Аввакума экспрессивы представлены жалобами, упреками, сожалениями.

Рассмотрим конкретные примеры, каждый из которых требует уточнения коммуникативной ситуации и обоснования отнесения к экспрессивам, а не к другим типам перформативов.

Высказывание относится к эпизоду, когда воевода Пашков снаряжает сына Еремея в поход в Мунгальское царство и заставляет иноземца-шамана гадать об удаче. Тот приносит барана, совершает ритуал, бесы предрекают победу и богатство. Аввакум оказывается в трудной ситуации: с одной стороны, он помнит евангельские слова о том, что Христос пришёл не погубить души, но спасти (Лк 9:56); с другой стороны, протопоп не может допустить, чтобы сбылось пророчество служителя бесов. И он делает свой выбор: «...жаль мне их: видит душа моя, что им побитым быть, а сам таки на них погибели молю...» [1, с. 80]. Фраза «Да не возвратится вспять ни один от них, и гроб им там устроиши всем, приложи им зла, Господи, приложи, и гибель им наведи, да не сбудется пророчество дьявольское!» [1, с. 80] находится на границе между экспрессивом, директивом и декларативом. Строго говоря, Аввакум обращается к Богу с молитвенной просьбой. Однако цепь однородных сказуемых с повтором «приложи... приложи... наведи» с осторожностью можно интерпретировать как эмоциональный накал, выражение крайней степени гнева и отчаяния без неременной опоры на церковный ритуал. Контекстуально эмоция становится интенсивнее просьбы, поэтому её можно интерпретировать как экспрессив.

Второй пример связан с эпизодом, когда Аввакума после оскорблений и ссылок везут в монастырь на Угрешу. По дороге никониане отрезали ему бороду. Он размышляет о соблазнах, которые попускает Бог по просьбе сатаны (здесь, конечно же, можно усмотреть аллюзию на сюжет из библейской Книги Иова), и произносит: «Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо — Христа ради, нашего света, пострадать!» [1, с. 95] В этом примере прямое

обращение к дьяволу носит риторический характер. Согласно христианским представлениям, подобное вступление в общение с тёмной силой с любой целью может привести к опасным последствиям. Аввакум не пытается вступить с дьяволом в диалог, а выражает своё отношение к гонениям. Как экспрессивный центр высказывания можно рассматривать конструкцию «и нам то любо». Страдание за веру переосмысливается как радость, что характерно для агиографического мученического топоса. Отличие от комиссива здесь в том, что говорящий не берёт на себя обязательства пострадать в будущем, а фиксирует своё отношение к потенциальному подвигу «здесь и сейчас».

Следующее высказывание относится к эпизоду споров с «вселенскими патриархами» о крестном знамении. «Патриарси задумались» над доводами Аввакума о древней русской традиции, а русские священники, которых Аввакум сравнивает с «волчонками», заявили: «Глупы-де были и не смыслили наши русские святые, не учоные-де люди были, — чему им верить? Они-де грамоте не умели!» На это автор «Жития» ответил так: «Чист есмь аз, и прах прилепший от ног своих отрясаю пред вами...» [1, с. 102] Формула «отрясаю прах» перекликается с евангельским текстом: «А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших» (Мф. 10:14). В библейском контексте «отрясение праха» означает полный разрыв, нежелание иметь ничего общего — вплоть до песка с земли города, прилипшего на ступни; в случае проповедника — признание неуспеха проповеди, предание ослушников уже теперь только Божьему суду. Этой формулой эмоционально пользуется Аввакум, выражая ею, наряду с гневом, окончательное и бесповоротное отделение от истины «никониян». Здесь он не призывает к действию (что отличает это высказывание от директива). Разрыв уже произошёл в реальности, высказывание лишь эмоционально оформляет это событие.

Пример «Увы, бедные никонияня! погибаете от своего злаго и непокориваго нрава!» [1, с. 103] завершает эпизод, в котором Аввакума везут

на Воробьёвы горы вместе со священником Лазарем и иноком Епифанием. Он называет их «миленькими», жалеет, что их остригли и обругали, и затем обращается к никонианам: «Да пускай их терпят! Что о них тужить?.. Потужить надобно о них, о бедных. Увы, бедные никонияня! погибаете от своего злаго и непокориваго нрава!» [1, с. 103]. Высказывание представляет собой чистый экспрессив. Автор не констатирует факт, не берёт на себя обязательств, не призывает к действию. Он фиксирует здесь свою эмоцию: выражает жалость, смешанную с эмоциональной оценкой — осуждением заблудших оппонентов. Максимальная иллокутивная сила при этом концентрируется в междометии «увы».

Таким образом, экспрессивы у Аввакума реализуются через широкий спектр эмоций: гнев, отчаяние, парадоксальную радость от страданий, сожаление о вечной гибели оппонентов, решительность разрыва с ними. Их функция здесь — не прямолинейное изменение реальности (как у декларативов или директивов), а фиксация эмоционального состояния говорящего как акт, обращённый вовне.

Выводы ко 2 главе:

В параграфе 2.1 дана общая характеристика перформативных высказываний в дискурсе протопопа Аввакума и обосновано выделение описания директивов в отдельную главу.

В параграфе 2.2 рассмотрены комиссивы — речевые акты, обязывающие говорящего к совершению определённых действий в будущем. На материале примеров из текстов Аввакума показано, что комиссивы у него реализуются через вероисповедание («верую»), служение («служу»), а также клятвенные заверения («живу и умираю», «не соединяюсь», «уповаю и надеюсь»).

В параграфе 2.3 проанализированы экспрессивы — высказывания, фиксирующие эмоциональное состояние говорящего. В дискурсе Аввакума они представлены жалобами, упрёками, сожалениями, а также

высказываниями, выражающими разрыв с оппонентами («отрясаю прах»).

Таким образом, комиссивы и экспрессивы составляют важный пласт перформативов в сочинениях Аввакума. Наиболее многочисленный и разнообразный тип — директивы — требует отдельного анализа, которому посвящена глава 3 настоящего исследования.

ГЛАВА 3. ДИРЕКТИВНЫЕ ПЕРФОРМАТИВЫ: СИНТАКСИС И ПРАГМАТИКА

3.1 Синтаксические модели директивов у Аввакума

3.1.1 Основные модели и их структура

Одним из основных направлений анализа директивов является анализ их структурных особенностей. Для наглядного представления разнообразных синтаксических конструкций, служащих реализации директивности, в исследовании использовались синтаксические модели, построенные с помощью системы символических обозначений, являющихся, впрочем, довольно традиционными в лингвистических описаниях (см., напр., [43]), но адаптированных для наших целей.

Морфологический (V_{imp}) и синтаксический (S) уровни смешиваются не по недосмотру, но осознанно. «Осложнение семантико-синтаксической структуры директивных перформативных предложений происходит за счет включения обращений, функционирующих как модификационные элементы, не синтаксические по своей природе» [44, с. 23]. При составлении синтаксических моделей во внимание принимались такие элементы, которые вовлечены в директивную семантику или регулируют отношения между адресантом и адресатом: наклонение, лицо, число, отрицание. Соответственно, не было цели заполнить все синтаксические валентности каждого компонента схемы. Не учитывается морфологическое время глаголов, поскольку директивная семантика направлена на будущее (пусть и ближайшее). Также решено было пренебречь порядком следования элементов, поэтому конструкции «обращение + императив» и «императив + обращение» считаются одним типом директива. Однородные элементы (например, однородные сказуемые, несколько однотипных обращений подряд и т. п.) отмечаются как один элемент.

Сами тексты примеров при этом даются несколько расширенно для

представления минимального контекста.

Список условных обозначений схем следующий:

1, 2, 3	1-е, 2-е, 3-е лицо
imp	повелительное наклонение
ind	изъявительное наклонение
neg	отрицательная форма
opt	аналитическое выражение опатива (с частицей да)
pl	множественное число
Pred	предикативное наречие
Pron	местоимение
S	подлежащее вне зависимости от его выражения
V	глагол
Voc	обращение

Таким образом, модели носят предельно общий, формализованный характер. Записанная с помощью этих условных обозначений конструкция (ожидаемо наиболее частотная в нашем материале) выглядит так: Voc + V_{imp_2sg} или Voc + V_{imp_2pl}. Она встречается в обращениях ко всем типам собеседников:

«Всесвятая троице...! Поспеш и направи сердце мое...» (№ 2) (Бог)

«Держи, христианин, церковная неизменна вся...» [1, с. 128]
(единомышленник)

«Почти-тко, никониян, как Василий Великий научает» [1, с. 134]
(оппонент)

При этом, как в дальнейшем будет показано, её реальное прагматическое наполнение будет определяться адресатом и контекстом.

3.1.2 Распределение синтаксических моделей по типу адресата

Спектр наших синтаксических моделей простирается от

прямолинейных императивных конструкций до сложных оптативных, с участием третьего лица. В порядке убывания частотности они распределяются следующим образом:

1) $V_{oc} + V_{imp_2sg} / V_{imp_2sg} + V_{oc}$ Эта модель встречается у всех типов адресатов.

2) V_{imp_2sg} Адресовано «своим».

3) $V_{oc} + V_{imp_2pl} / V_{imp_2pl} + V_{oc}$ Только при обращении к «своим». Обращения к оппонентам во множественном числе в выборке отсутствуют, автор предпочитает обращаться к ним «по одному»: «Почти-тко, никониян, как Василий Великий научает» [1, с. 134].

4) $Pron_{2sg} + V_{imp_2sg}$ Используется при обращении к Богу. Местоимение подчёркивает уверенность в выполнении просьбы Высшим Адресатом.

5) $S + V_{opt_3sg} / V_{opt_3sg} + S$ Интересно, что оптативные модели адресованы исключительно «своим». Выражают обобщённое побуждение, «дистанцируют» автора, добавляя этим оттенок объективного беспристрастия.

6) V_{imp_1pl} Адресат – только «свой», выражение солидарности и побуждения к совместному действию. Побуждение смягчается включением говорящего.

7) $V_{imp_2pl} + S$ Адресат – «свой».

8) $Pron_{2sg} + V_{ind_2sg}$ Адресат – Бог.

9) $Pron_{2pl} + V_{oc_pl} + V_{neg_imp_2pl}$ Уникальная конструкция, один пример, к «своим».

Таким образом, распределение синтаксических моделей по четырём типам адресатов носит неравномерный характер, что может свидетельствовать о последовательной дифференциации адресата уже на уровне синтаксической конструкции. Адресат «Бог» получает различные формы: императив с обращением, императив с местоимением, конструкция с изъявительным наклонением. «Свой» — адресат императивных моделей (как единственного, так и множественного числа), единственный адресат оптатива и императива 1-

го лица множественного числа. Оппонент как прямой адресат появляется редко и только в форме императива 2-го лица единственного числа без обращений и смягчений. Интересный адресат — сам автор, причём обращается он не напрямую к себе, а к своей душе, реализуя, естественно, модель с обращением.

3.2 Прагматическая типология: функции директивных стратегий

3.2.1 Двухуровневая система классификации

Функцией в языкознании называют способность языковой единицы выполнять определённое назначение. Функции единиц с точки зрения прагматики пока с трудом поддаются формализации, поскольку подключаются контекст, интерпретация, то есть экстралингвистические субъективные факторы. Возникает соблазн каждый случай характеризовать описательно, что, по понятным причинам, противоречит стремлению любой науки классифицировать явления. Поскольку на настоящий момент в науке не существует общепринятой классификации перформативных высказываний, классификация в данной работе не заимствована полностью у какого-либо авторитетного исследователя, но порождена особенностями материала и использует элементы обычной грамматической, прагматической лингвистической терминологии.

Для адекватного описания многообразия механизмов в рамках единой директивной интенции была разработана двухуровневая система анализа, которая позволяет учитывать комплексную природу каждого высказывания.

Первый уровень (обязательный) — выделение базового иллокутивного типа речевого акта на основании преобладающего речевого действия:

I. Конативный директив — прямое побуждение, призыв к физическому / ментальному действию или аналогичный запрет;

II. Аргументативный директив — побуждение к изменению

определённого мнения или утверждение в нём;

III. Фатический директив — побуждение к установлению, поддержанию контакта, регуляции самого коммуникативного акта.

Второй уровень (опциональный) — уточняющие прагматические признаки, которые выделены по разным основаниям и могут накладываться на базовый тип. Необходимость привлечения признаков, дополняющих классификацию Дж. Сёрля, отмечается и в других исследованиях, например, в статье Е. Н. Куликовской: «Выявление иллокутивной цели заговорных перформативов может стать основой для таксономии речевых актов, дополняющей уже существующие классификации» [25]. Один и тот же директив может характеризоваться несколькими такими признаками одновременно:

А. Сакральный директив, являющийся, по сути, конативным, выделяется на основании особых условий успешности. Адресат — всемогущее существо, это снимает ограничения на содержание просьбы. Действие может относиться к трансцендентному плану, иной реальности, успешность действия подкрепляться силой веры адресанта — все эти факторы создают особую прагматику (основание — специфика адресата и условий успешности). Похожую ситуацию описывает Е. В. Кривенко: «В рамках заговора перформативные глаголы, такие как “я обещаю” или “заклинаю”, приобретают еще большую силу, так как направлены на божества. Неправильное соблюдение процедуры, в данном случае ритуала, приводит к неуспешности заговорного перформатива» [23].

Б. Дидактический директив — акцент здесь не на разовой просьбе, а на установлении нормы, обучении следованию ей (основание — научение норме как цель).

В. Ритуально-символический директив — побуждение к действию, значимому не в прямом буквальном исполнении, а в ритуальном или символическом измерении (основание — символическая, а не буквальная цель

действия).

Г. Автодиректив — адресант и адресат совпадают в лице говорящего (основание — направленность коммуникации на себя).

Таким образом, высказывание «Пребывайте, чада, о Господе» (№ 20) может быть описано как конативный директив с дидактическим признаком. А высказывание «Упокой, господи, душа раб своих...» (№ 15) — как конативный директив с сакральным признаком. Подобная двухуровневая система обеспечивает строгость анализа на первом этапе и необходимую гибкость для описания специфики дискурса Аввакума — на втором.

Для анализа языковой реализации этих типов была составлена прагматико-синтаксическая таблица, где каждый пример характеризуется по следующим параметрам: цитата, адресат, тип текста, синтаксическая модель, коммуникативная ситуация, гипотеза прагматической функции (определение базового типа и уточняющих признаков), эксплицитный перформативный аналог и примечания. На основе данных таблицы и строится дальнейший анализ.

3.2.2 Конативные директивы

3.2.1.1 Сакральные конативные директивы

Как было отмечено выше, сакральный директив представляет собой вариант конативного, но отличается от последнего тем, что обращён к Богу и вследствие этого имеет особые условия успешности (исходя из картины мира изучаемого автора, а не позитивистски настроенного современника). Просьба может касаться трансцендентных вещей: загробной участи, благословений, — а также, конечно, помощи в «этом» мире. Успешность определяется силой веры просящего, глубиной выстроенных личных отношений с Божеством.

Сакральные директивы в нашем дискурсе адресованы исключительно Богу и представлены следующими моделями:

1) $V_{oc} + V_{imp_2sg} / V_{imp_2sg} + V_{oc}$;

2) $Pron_{2sg} + V_{imp_2sg}$;

3) $Pron_{2sg} + V_{ind_2sg}$.

Рассмотрим несколько примеров реализации сакральной директивности.

В высказывании «Всесвятая троице...! Поспеш и направи сердце мое... управи ум мой и утверди сердце мое...» (№ 2) Аввакум просит не о материальном, а о внутреннем изменении: направить ум, утвердить сердце. Это типичная молитва перед началом дела. «Канонический» перформатив в форме 1-го лица единственного числа изъявительного наклонения отсутствует, но императив в обращении к Богу функционирует как просьба-моление.

«...и ты причти мя с Филиппом...» (№ 10) — этот пример взят из прямой речи протопопа Аввакума в его рассказе о нападении на его жилище (правомерность привлечения такого рода материала обсуждалась выше). В. В. Колесов отмечает, что «синтаксическая особенность древнерусских форм повеления состоит в том, что они могли употребляться и при подлежащем — в высоком стиле» [22, с. 377] и приводит примеры с подлежащим-существительным. Можно предположить, что ту же функцию «как бы обращения к Богу и одновременно утверждения его обязанности способствовать в определенном деле» добавляют подлежащие-местоимения (в наших схемах как $Pron_{2sg}$). Местоимение усиливает просьбу, делает её более интенсивной.

Директив из того же рассказа о нападении «...ты... паки свободишь мя!» (№ 12) представляет собой не констатацию будущего события, несмотря на форму изъявительного наклонения. Рядом, в том же эпизоде, Аввакум пишет «причти» — и это повелительное наклонение. Кажется, что мы можем наблюдать не случайность, а осознанный прагматический выбор — форма будущего времени делает мольбу ещё более выразительной. (Приведём

пример подобного механизма в современном русском языке: ср. нейтральное «пойди и сделай» и более интенсивное «пойдёшь и сделаешь»).

Таким образом, сакральный директив реализуется несколькими синтаксическими моделями, демонстрирующими палитру личных отношений автора и Адресата. Разнообразные обращения, повелительное наклонение задают характерную для традиции молитвенную тональность. Местоимения-подлежащие и употребление индикатива усиливают просьбу. Так возникает образ Бога как близкого собеседника, с которым возможен прямой диалог.

3.2.1.2 Дидактические конативные директивы

Дидактическими в нашем материале мы называем директивы, которые направлены не на разовое действие, а на усвоение и соблюдение нормы. Аввакум чаще всего здесь действует как пастырь, облечённый властью учить.

В примере «Пребывайте, чада, о Господе пребывайте, и крест Христов трисоставный почитайте...» (№ 20) многократное повторение императива усиливает каузативное воздействие. Это не просто совет, это передача нормативного правила.

Высказывание «...потерпим до тех мест...» (№ 5) использует модель с совместным действием — V_{ind_1pl} , смягчающую наказ, но тем не менее выражающую его как норму — нельзя говорить о последних временах до их наступления.

Элементы дидактического директива находим в интересной конструкции «Правоверных избави боже сего начинания злаго...» (№ 8) — молитва об избавлении паствы от неправильных действий, обращённая к Богу в присутствии этой паствы, служит формированию представлений о недолжном, косвенно побуждает избегать его.

3.2.1.3 Ритуально-символические конативные директивы

Простые физические действия конвенционально могут иметь мощный символический подтекст. Это обусловлено самой спецификой дискурса с трансцендентной составляющей. Как отмечает Ю. А. Ледовских, «ритуал, как центральное понятие человеческой культуры, строится на комплексе перформативности, который развивается в сложные социальные и языковые концепты» [29, с. 3312]. В текстах Аввакума не много таких примеров: ритуал не совершается в момент письма. Однако во фрагментах описаний событий, в передаче прямой речи автора самим автором, такие примеры встречаются. Рассмотрим два из них.

После исцеления больного воеводы Аввакум приказывает ему: «Восстани!», — и это не просто повеление встать. Восстание в этом контексте отсылает к евангельским исцелениям («...встань, возьми постель твою, и иди в дом твой...» Мф 9:6) и символизирует избавление от грехов, прощение. Е. Н. Куликовская в исследовании, выполненном на материале русских заговоров, делает следующее наблюдение: «В заговорных текстах нередко встречается использование в качестве перформативов таких глаголов, которые в обыденной речи перформативами не являются. Так, произнося: “Я сваю скаціну зялезным тынам заграждаю” (бел.), заговаривающий не описывает свои действия, а совершает их. Употребляя неперформативные (не имеющие значения речевого действия) глаголы в эксплицитной форме, говорящий, тем не менее, не констатирует факт действия, а реализует апотропеическую функцию слов» [26, с. 34—35].

Фраза «Да будет проклят сие поюще» (№ 6) отсылает к практике церковного отлучения (анафемы). Конатив (призыв не воспевать Троицу неправильно) соединён с ритуальным жестом, а не выражением чувств, и успешность здесь не в действии в буквальном смысле, а в том, «сработал» ли речевой акт как символическое событие.

А. М. Прилуцкий замечает: «Анализ подобных ритуальных текстов должен предполагать не столько структурно-семиотический, сколько содержательно-теологический подход» [38, с. 335]. Несколько смягчая формулировку, можно принять тот факт, что при функциональном анализе ритуально-символического дискурса содержательно-теологический подход приходится как минимум учитывать.

3.2.1.4 Автодирективы

Наиболее часто у Аввакума встречаются автодирективы, подобные «Ну-су полно браниться — тово нам» (№ 21), можно даже говорить, что предикативное наречие «полно», приобретающее императивное значение, является маркером автодиректива. Автор приказывает себе поставить точку в собственной брани, используя народно-разговорную лексику (например, частицу «тово», про которую В. И. Даль пишет: «приговаривается без большого смысла... Нечего говорить, так: тово-воно-как оно!» [16, с. 394]) В нашем примере она, напротив, придаёт смысл завершённости отрезку текста). «Нам» в данном случае теряет прямое значение (это местоимение не имеет никакого отношения к читателю — он, в отличие от Аввакума, не «бранился») и функционирует как усилительная частица.

Наряду с этим среди наших примеров есть обращения к собственной душе, причисленные нами к автодирективам Аввакума. Несмотря на то что Аввакум считал душу «телесовидной» [49, с. 11], способной к саморефлексии, всё же автор обращается таким способом к самому себе. Он действует здесь вполне в русле традиции (см. евангельское «И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись» Лк 12:19, многократные обращения к душе в тексте Великого канона Андрея Критского и других богослужебных текстах). Также в этой традиции автор «нанизывает» различные обращения к своей душе («окаянная», «мотылолюбная»,

«безумная»). Эти обращения участвуют в создании устойчивой модели $V_{oc} + V_{imp_2sg} / V_{imp_2sg} + V_{oc}$ (ср. в тексте Великого канона Андрея Критского: «Душе моя, душе моя, восстани, что спиши?») [45, с. 114])

Оба типа директивов объединяет совпадение адресата и адресанта. Аввакум не так часто оставался наедине с самим собой (хотя и такие эпизоды были). Вокруг были союзники, посетители, надсмотрщики. Но потребность внутреннего диалога остаётся, и мы становимся невольными его свидетелями.

3. 2. 3 Аргументативные директивы

Деление в нашей классификации директивов на конативные и аргументативные, искусственное на первый взгляд, было принято на том основании, что в контексте нашего материала эти типы имеют принципиально разные цели, а это различие заложено в самой взятой нами в качестве базы сёрлевской традиции. Конатив побуждает к действию: адресат должен сделать действие, совершить поступок, пусть даже ментальный. Аргументатив для Аввакума — отдельный, регулярный инструмент, с помощью которого он призывает не к поступку, а к некоему когнитивному сдвигу. «Зри: тричислено и сие воспевание» (№ 7) — призыв посмотреть (то есть обратить внимание) нераздельно соединён здесь с призывом убедиться в правоте автора. Успешность при этом можно описать не как «адресат сделал», а как «адресат согласился». «Теории ментальных речевых актов пока нет, хотя ясно, что высказывания вида “Напомню, что (речь идёт об отождествлении имён, не связанных синтаксически)”, “Допустим, что (сопротивление воздуха равно нулю)” суть акты напоминания и допущения, относящиеся не к поведению, а к размышлению, и что это тип предложений с нестандартным соотношением между высказыванием и мышлением, а не действительностью... подобные ментальные действия должны быть вписаны не в социальное поведение, а в “когнитивное”, т. е. в рассуждение, в интенциональный (эпистемический)

контекст» [39, с. 12].

С помощью конативов Аввакум осуществляет наставление, приказ, просьбу, молитву. Аргументативы всегда там, где идёт спор, доказательство, апелляция к авторитету.

«Чтый да разумеет» (№ 4) после ссылки на Дионисия Ареопагита и рассуждения о тщетности всего сущего во внешнем мире не требует действия. Аввакум требует здесь признания истины. Оптативная форма снимает давление, создаёт эффект объективного довода. В высказывании «Внимайте и разумеите вси послушавшии...» (№ 14) Н. К. Гудзий интерпретирует «вси послушавшии» как подлежащее при императиве (а не как обращение). Принятый в такой трактовке элемент подчёркивает дистанцирование автора и расчёт на разумность читателя, а не на простое следование приказу.

Особый интерес вызывает цитата «Преудобренная невесто Христова, не лучши ли со Христом помирится и взыскать старая вера... а новую блядь в гной спрятать?» (№ 25) из письма к царевне Ирине Михайловне. Вся тональность письма — очень деликатная, несмотря на инвективу (ср. «Уж мне баба указывает, как мне пасти Христово стадо!» (№ 27) из письма к боярыне Ф. П. Морозовой). Адресат — женщина, имеющая власть опосредованно — через большое влияние на государя. Используется уникальная для наших примеров синтаксическая модель с предикативным наречием-сказуемым, отражающая косвенное, смягчённое увещание.

Таким образом, аргументативные директивы реализуют разные модели: прямого императив, оптативные конструкции, риторический вопрос. У Аввакума они объединены не формой, а целью: они все призваны не подчинить собеседника, а склонить его к согласию.

3. 2. 4 Фатические директивы

Директивы, названные нами фатическими, побуждают не к действию,

как конативные, а к контакту. По отношению к специфике контакта тексты естественным образом распределяются на две группы: адресат известен автору заранее (челобитные, письма) и не известен.

Рассмотрим директивные акты в обеих этих группах.

«...вы, господа ради чтущии и слышащие, не позазрите просторечию нашему...» (№ 1) — так начинается «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». По тональности («вы, господа ради чтущии...») предполагается, что тексты «Жития» и бесед попадают к благочестивому читателю-единомышленнику. Но, строго говоря, автор не может гарантировать, что реципиентом будет «никониян». Глагол «не позазрите» создаёт оттенок ритуального самоумаления. В рукописной традиции у этой книги не было устойчивого названия и «канонического» текста, но очевидно, что создавалась она по правилам житийного рассказа. Автор осознаёт всю дерзость написания такого рода автобиографии, объясняет, что произведение «по благословению отца... старца Епифания писано» [1, с. 53]. Исходя из этого, словесные проявления смирения автора выглядят вполне логичными — обеспечивающими благосклонность любого читателя, взявшего в руки книгу.

Фатика не с неизвестным читателем, а с конкретным носителем власти работает иначе. Челобитные и письма позволяют автору чётко выбирать необходимый инструмент в зависимости от адресата и контекста коммуникации.

В челобитной царю Алексею Михайловичу, заключающей в себе в основном жалобы и просьбы, мы видим формульное предвосхищение ответной гневной реакции: «Не прогневайся, государь-свет, на меня...» (№ 22). Это смягчающий элемент, и он подобен предыдущему «не позазрите» (№ 1). В обоих этих примерах использован отрицательный императив с обращением.

В высказывании «...помилуй мя, Алексеевич, дитяtko красное, церковное!» (№ 23), обращённом к царю Фёдору Алексеевичу, употреблена наиболее частотная в корпусе модель $V_{imp_2sg} + Voc$. Зная контекст

высказывания, можно утверждать, что с просьбой о помиловании здесь соединяется своеобразная присяга на верность. Челобитная написана сразу после восшествия на престол сына Алексея Михайловича царя Феодора и отражает надежды «мятежного протопопа» расположить юного государя к себе и к своим сторонникам. В челобитной одна за другой «нанизываются» формулы, подобные такому примеру: «Царю, от лют мя избави...» (№ 24). Если мольбы к Алексею Михайловичу были о конкретных вещах: «изволь, самодержавне... с Москвы отпустить двух сынов моих...» [1, с. 195], «потщися, государь, исторгнути злое ево и пагубное учение...» [1, с. 190], то просьбы «помиловать», обращённые к Феодору Алексеевичу, не конкретизируются, поскольку являются по сути просьбами о лояльности.

Выводы к 3 главе:

В параграфе 3.1.1 предлагаются синтаксические модели для описания директивных перформативов в дискурсе протопопа Аввакума. В процессе анализа было выделено 9 типов конструкций с различным морфологическим и синтаксическим наполнением. Модель $V_{oc} + V_{imp_2sg} / V_{oc} + V_{imp_2pl}$ была определена как наиболее частотная, встречающаяся у всех типов адресатов.

В параграфе 3.1.2 представлено распределение синтаксических моделей по типу адресата. Самые разнообразные модели получает адресат «Бог» (реализующиеся через императив с обращением, через императив с местоимением, через конструкцию с изъявительным наклонением). Оптативные модели характерны исключительно для адресата «свои». Адресат «оппонент» появляется у Аввакума редко, этот случай отражает только конструкция 2 лица единственного числа.

Параграф 3.2 описывает прагматическую типологию директивов, включающую конативные, аргументативные и фатические директивы.

В параграфе 3.2.1 рассмотрены конативные директивы как прямой призыв к физическому или ментальному действию. В их рамках выделены

сакральные (то есть обращённые к Богу), дидактические (имеющие целью усвоение паствой нормы), ритуально-символические (в случаях, когда действие имеет глубокое символическое измерение) и автодирективы (обращения к собственной душе, самоограничения).

Параграф 3.2.2 анализирует аргументативные директивы, цель которых — не побуждение к физическому действию, а когнитивный сдвиг, склонение адресата к согласию. Эти директивы выражаются через императив, оптативные конструкции и риторические вопросы.

В параграфе 3.2.3 освещены фатические директивы, целью которых является установление и поддержание контакта с адресатом. При этом показано, что в общении с неизвестным читателем («Житие») и с конкретным носителем власти (челобитные, письма) Аввакум использует различные средства, включая ритуальное самоумаление, формулы верноподданства.

Таким образом, исследование продемонстрировало устойчивое присутствие директивов в текстах разных жанров. Предложенная система (конатив / аргументатив / фатив + уточняющие признаки) позволила охарактеризовать 100% выявленных директивов. При этом понимание директивности было адаптировано в применении к материалу, была учтена специфика адресата.

Анализ синтаксических моделей показал, что, хотя Аввакум использует широкий спектр конструкций, выявить чётких корреляций с прагматическими функциями не удаётся. Одна и та же модель может обслуживать разные прагматические цели, а директивность, таким образом, определяется намерением автора и коммуникативной ситуацией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе была рассмотрена проблема функций перформативов в языке сочинений протопопа Аввакума. В ходе исследования были проанализированы основные типы перформативных высказываний: комиссивы, экспрессивы и директивы — и выявлены их прагматические функции. Применительно к директивам рассмотрены синтаксические модели их реализации.

В ходе анализа научной литературы мы установили, что перформативность в лингвистике понимается как способность высказывания быть действием, а не описанием действия. Применительно к дискурсу Аввакума это означает, что его слово в условиях изоляции и религиозно-политической борьбы становится главным инструментом изменения реальности — воздействия на паству, оппонентов и власть. Теория речевых актов Дж. Сёрля была выбрана в качестве базовой классификации, однако материал потребовал её адаптации: декларативы в чистом виде у Аввакума не встречаются, а проклятия и анафемы были проанализированы в рамках ритуально-символических конативных директивов.

Главный результат исследования заключается в том, что перформативность в дискурсе Аввакума не сводится к эксплицитным формулам («обещаю», «клянусь»), а реализуется преимущественно имплицитно — через императив, оптатив, риторические вопросы и даже изъявительное наклонение. Это подтверждает выдвинутую во Введении гипотезу о том, что необходимая Аввакуму перформативность создаётся имплицитными средствами. Наиболее показательным классом оказались директивы, для которых была разработана двухуровневая типология, позволившая описать 100% выявленных примеров и учесть специфику адресата.

Выбранный вектор исследования указывает на перспективность прагматического подхода к анализу древнерусских текстов. При этом в

современной исторической прагматике остаются открытыми такие вопросы, как:

- чёткие критерии отнесения высказывания к перформативному типу при работе с текстами, не имеющими живой коммуникативной среды;
- влияние диглоссии (взаимодействия церковнославянского и старорусского языков) на перформативный потенциал высказывания.

В перспективе возможна экстраполяция предложенной классификации перформативов на другие древнерусские памятники, что может создавать базу для различного рода сопоставительных исследований перформативного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под общ. ред. Н. К. Гудзия ; вступ. ст. В. Е. Гусева. — Москва : Гослитиздат, 1960. — 479 с. — Текст : непосредственный.
2. Алексеев, А. В. Историческая грамматика русского языка : учебник и практикум для академического бакалавриата / А. В. Алексеев ; Московский городской педагогический университет. — Москва : Юрайт, 2015. — 313, [1] с. — Текст : непосредственный.
3. Андреева, Е. А. «Прения о вере» как сюжетобразующий топос в житиях князей-мучеников эпохи татаро-монгольского ига / Е. А. Андреева. — Текст : непосредственный // Герменевтика древнерусской литературы : сборник. — Москва, 2020. — Вып. 19. — С. 485—495.
4. Апресян, Ю. Д. Перформативы в грамматике и в словаре / Ю. Д. Апресян. — Текст : непосредственный // Избранные труды : в 2 томах / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки русской культуры, 1995. — Т. II : Интегральное описание языка и системная лексикография. — С. 199—218.
5. Арутюнова, Н. Д. Перформатив / Н. Д. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва, 1990. — С. 372—373.
6. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл : логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова ; АН СССР, Ин-т языкознания. — Москва : Наука, 1976. — 383 с. — Текст : непосредственный.
7. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист ; под общей редакцией Ю. С. Степанова. — Москва : УРСС, 1974. — 446 с. — Текст : непосредственный.
8. Будылина, М. М. Диалог как основной структурообразующий принцип в Житии протопопа Аввакума / М. М. Будылина. — Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. — 2008. — № 2. — С. 16—21.

9. Булыгина, Т. В., Шмелёв, А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с. — Текст : непосредственный.

10. Буслаев, Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка : учебное пособие для преподавателей / Ф. И. Буслаев. — Москва : Университетская типография, 1858. — Ч. 1—2. — 244 с. — Текст : электронный. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_2569354/ (дата обращения: 13.03.2026).

11. Вендлер, З. Скажи, что хочешь / З. Вендлер. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI : Лингвистическая прагматика / составитель и вступительная статья Н. Д. Арутюновой ; общая редакция Е. В. Падучевой. — Москва : Прогресс, 1985. — С. 335—356.

12. Виноградов, В. В. К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления / В. В. Виноградов. — Текст : непосредственный // Труды отдела древнерусской литературы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; ответственный редактор В. И. Малышев. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1958. — [Т.] XIV. — С. 371—379.

13. Виноградов, В. В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума / В. В. Виноградов. — Текст : электронный // Русская речь : сборник статей / под редакцией Л. В. Щербы. — Петроград, 1923. — Ч. I. — С. 195—293. — URL: <https://feb-web.ru/feb/avvakum/critics/vrr-195-.htm> (дата обращения: 16.03.2026).

14. Горбачева, Е. Н. Дискурсивная перформативность : признаки, типы, жанры : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / Е. Н. Горбачева. — Тамбов, 2016. — 40 с. — Текст : непосредственный.

15. Гудзий, Н. К. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-

историческое явление / Н. К. Гудзий. — Текст : непосредственный // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. — Москва : Academia, 1934. — С. 7—59.

16. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. И. Даль. — Москва : РИПОЛ классик, 2006. — Т. 4 : Р–Я. — 672 с. — Текст : непосредственный.

17. Демкова, Н. С. Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения) / Н. С. Демкова ; Ленингр. гос. ун-т им. Жданова ; отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. — 168 с. — Текст : непосредственный.

18. Диттрих, А. Г. Современные области прагмалингвистических исследований / А. Г. Диттрих. — Текст : непосредственный // Вопросы современной лингвистики. — 2023. — № 4. — С. 42—52.

19. Золян, С. Т. Слово и дело: перформативы в политических практиках и дискурсах / С. Т. Золян. — Текст : непосредственный // Политическая наука. — 2023. — № 3. — С. 98—131.

20. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Изд. 7-е. — Москва : Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с. — Текст : непосредственный.

21. Касевич, В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык / В. Б. Касевич. — Санкт-Петербург : Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. — 288 с. — (Orientalia). — Текст : непосредственный.

22. Колесов, В. В. Историческая грамматика русского языка : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 2010. — 512 с. — Текст : непосредственный.

23. Кривенко, Е. В. Перформативность в контекстах французского, английского и русского заговоров : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 5.9.8 / Е. В. Кривенко. — Кемерово, 2025. — 24 с. — Текст : непосредственный.

24. Крюкова, И. В. Перформативное высказывание и перформативный глагол / И. В. Крюкова. — Текст : непосредственный // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2009. — № 4(9). — С. 52—54.

25. Куликовская, Е. Н. Перформативные глаголы в русских заговорах как объект теории речевых актов / Е. Н. Куликовская. — Текст : непосредственный // Мир русского слова. — 2019. — № 2. — С. 12—18.

26. Куликовская, Е. Н. Полуперформативные глаголы в русских заговорах: критерии и обоснование выделения / Е. Н. Куликовская. — Текст : непосредственный // Рема. Rhema. — 2021. — № 1. — С. 30—55.

27. Купченко, Ю. А. Классификация юридических перформативов. К вопросу аутореферентности / Ю. А. Купченко. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2015. — № 10 (52) : в 2 частях, ч. I. — С. 93—97.

28. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. — Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 512 с. — (Язык. Семиотика. Культура). — Текст : непосредственный.

29. Ледовских, А. Ю. Библейский перформатив в раннехристианской германской культуре / А. Ю. Ледовских. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, вып. 10. — С. 3312—3318.

30. Литвинов, С. В. «Русская грамматика» Генриха Вильгельма Лудольфа / С. В. Литвинов. — Текст : непосредственный // Русская речь. — 2004. — № 5. — С. 88—94.

31. Лихачев, Д. С. «Перспектива времени» в «Житии» Аввакума / Д. С. Лихачев. — Текст : непосредственный // Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — Ленинград : Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1967. — С. 303—311.

32. Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский ; составитель С. Л. Удовик ; перевод А. П. Хомик под редакцией О. Ю. Артемовой. — Москва : Рефл-бук, 1998. — 290 с. : ил. — (Созвездия мудрости). — Текст : непосредственный.

33. Остин, Дж. Л. Как производить действия при помощи слов / Дж. Л. Остин. — Текст : непосредственный // Избранное. — Москва : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 1999. — С. 13—135.

34. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII : Теория речевых актов. — Москва : Прогресс, 1986. — С. 22—129.

35. Падучева, Е. В. Вид и время перформативного глагола / Е. В. Падучева. — Текст : непосредственный // Логический анализ языка: Язык речевых действий. — Москва : Наука, 1994. — С. 37—42.

36. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е. В. Падучева. — Москва : Наука, 1985. — 271 с. — Текст : непосредственный.

37. Падучева, Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке, семантика нарратива / Е. В. Падучева. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. — 464 с. — Текст : непосредственный.

38. Прилуцкий, А. М. Проявления перформативности в религиозных и суеверных ритуальных текстах / А. М. Прилуцкий. — Текст : электронный // Вестник РХГА. — 2013. — № 3. — С. 45—52. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proyavleniya-performativnosti-v-religioznyh-i-suevernyh-ritualnyh-tekstah> (дата обращения: 13.04.2026).

39. Рябцева, Н. К. Ментальные перформативы в научном дискурсе / Н. К. Рябцева. — Текст : непосредственный // Вопросы языкознания. — 1992. — № 4. — С. 12—28.

40. Сазонова, Н. И. «За единый аз»: некоторые аспекты текстологии

литургической реформы патриарха Никона / Н. И. Сазонова. — Текст : непосредственный // Сибирский филологический журнал. — 2012. — № 3. — С. 43—48.

41. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 : Теория речевых актов. — Москва : Прогресс, 1986. — С. 151—169.

42. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков : в 10+ выпусках / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. — Санкт-Петербург : Наука, 2004—2025. — Текст : электронный. — URL: <https://xvi-xvii.iling.spb.ru/issues> (дата обращения: 13.06.2026).

43. Современный русский язык : учебник для филологических специальностей университетов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская [и др.] ; под редакцией В. А. Белошапковой. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Высшая школа, 1989. — 800 с. — Текст : непосредственный.

44. Соловцова, Е. В. Директивные перформативные глаголы в газетно-публицистических текстах: лексический и грамматический аспекты : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Соловцова. — Горловка, 2021. — 33 с. — Текст : электронный. — URL: https://science.donnu.ru/wp-content/uploads/2021/04/solovtsova_e_v_avtoreferat.pdf (дата обращения: 18.03.2026).

45. Триодъ постная : в 2 частях. — Москва : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. — Ч. 1. — 800 с. — Текст : непосредственный.

46. Успенский, Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.) / Б. А. Успенский. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Аспект Пресс, 2002. — 559, [1] с. — Текст : непосредственный.

47. Четыркина, И. В. Перформативность речевых практик как

конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспектива : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19 / И. В. Четыркина. — Краснодар, 2006. — 32 с. — Текст : непосредственный.

48. Шапир, М. И. Теория «церковнославянско-русской диглоссии» и ее сторонники / М. И. Шапир. — Текст : электронный // Russian Linguistics. — 1989. — Vol. 13, No. 3. — P. 271–309. — URL: <https://danefae.org/djvu/diglossia.htm> (дата обращения: 13.04.2026).

49. Шпаковский, М. В. Учение протопопа Аввакума о природе и устройстве человеческой души / М. В. Шпаковский. — Текст : электронный // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. — 2022. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-protopopa-avvakuma-o-prirode-i-ustroystve-chelovecheskoy-dushi> (дата обращения: 16.03.2026).

50. Юм, Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам / Д. Юм ; перевод с английского С. И. Церетели. — Москва : Канон, 1998. — Кн. 3 : О морали. — 587 с. — Текст : непосредственный.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1 Директивные высказывания в дискурсе протопopa Аввакума (фрагмент)

Список обозначений

Жанры текстов:

Б — беседы

Ж — «Житие протопopa Аввакума, им самим написанное»

П — письма

Ч — челобитные

Прагматические типы и их признаки

А — аргументативный

К — конативный

Ф — фатический

+ авто — автодиректив

+ дид — дидактический

+ рит — ритуально-символический признак

+ сакр — сакральный

Число рядом с буквой в графе «Тип текста» указывает номер страницы в издании:

Аввакум. Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под общ. ред. Н. К. Гудзия ; вступ. ст. В. Е. Гусева. — Москва : Гослитиздат, 1960. — 479 с. — Текст : непосредственный.

Синтаксические формулы: см. параграф 2.1.

№	Цитата	Адресат	Тип текста	Синтаксическая модель (формула)	Коммуникативная ситуация	Прагматическая функция (гипотеза)	Прагматический тип	Возможный эксплицитный аналог	Примечания / Особенности
1.	«...вы, господа ради чтущи и слышащии, не позазрите просто речию нашем	свой	Ж 53	Pron _{2pl} + Voc _{pl} + V _{neg_imp_2pl}	начало повествования	установление контакта с читателем, ритуальное самоумаление	Ф	я прошу вас не презирать	

	у...»								
2.	«Всесвятая троице. ...! Поспеши и направ и сердце мое... управи ум мой и утверди сердце мое...»	Бог	Ж 54	Voc + V _{imp_2sg}	начало повествования	получение благословения Бога на начинаемое дело	К + сакр	я молю Тебя поспешит и направить мое сердце	слова молитвы перекликаются с «Молитвой перед чтением Псалтири»

3.	«И ныне, владык о, благос лови... »	Бог	Ж 54	Voc + V _{imp_2sg}	начало повествования	получение благословени я на начинаемое дело	К + сакр	я молю Тебя благослов ить	
4.	«Чтый да разуме ет»	свой	Ж 56	S + V _{opt_3sg}	разъяснение цитаты из Дионисия Ареопагита о тщете всего сущего	вразумление паствы с опорой на авторитетное мнение	А	я наказыва ю читающе му понять	аллюзия на евангельск ие слова «Имеяй уши слышати, да слышит!» Напр., Мф 13:9
5.	«...поте	свой	Ж	V _{imp_1pl}	конец	призыв к	К + дид	я	1 лицо

	рпим до тех мест...»		57		рассуждений о каре за церковные нестроения	определённо му действию (потерпеть с выводами до конца мира, открывающе го смысл событий)		наказыва ю нам потерпеть	создаёт вовлечённ ость
6.	«Да будет прокля т сице поюще »	свой / <i>оппонент</i>	Ж 57	$V_{opt_3sg} + S$	рассуждение о трегубой аллилуйе	запрет для своих	К + рит	я запрещаю всем петь так	прямая прагматиче ская функция здесь – проклятие (экспресси в), директив косвенный

7.	«Зри: тричис лено и сие воспев ание»	оппонент / колеблю щийся свой	Ж 57	V _{imp_2sg}	предъявление сакрального образца (пения ангелов в Ис 6:3) как как неопровержи мого документа	изменение мнения или утверждение в нём	А	я призываю тебя обратить внимание	
8.	«Право верных избави боже сего начина ния злаго... »	Бог / свой	Ж 58	V _{imp_2sg} + Voc	в заключение рассуждений о трегубой аллилуйе	молитва о надлежащем поведении для единомышле нников; запрет для своих	К + сакр + дид	я молю Тебя избавить / я запрещаю участвова ть в этом начинани и	сакральны й директив соединён с косвенным (молитва о том, чтобы Бог помог что-то не делать —

									посыл к присутствующим не делать этого)
9.	«господи, укроти ево и примири...»	Бог	Ж 63	Voc + V _{imp_2sg}	из рассказа о нападении начальника Евфимия Степановича на жилище автора	молитва об избавлении от опасности	К + сакр	я молю Тебя успокоить его	из прямой речи от имени автора
10.	«...и ты причисти меня с Филиппом...»	Бог	Ж 63	Pron _{2sg} + V _{imp_2sg}	нападение на жилище автора	молитва о признании смерти как духовного подвига	К + сакр	я молю Тебя причесть меня к святым	директив в ситуации смерти удушением
11.	«...и ты	Бог	Ж	Pron _{2sg} +	нападение на	молитва о	К + сакр	я молю	директив в

	причти мя с Захари ею...»		63	V _{imp_2sg}	жилище автора	признании смерти как духовного подвига		Тебя причесть меня к святым	ситуации смерти от ножа
12.	«...ты... паки свобод ишь мя!»	Бог	Ж 63	Pron _{2sg} + V _{ind_2sg}	нападение на жилище автора	молитва об избавлении от опасности	К + сакр	я молю тебя освободит ь меня	
13.	«воста ни!»	начальни к Евфимий Стефанов ич	Ж 63	V _{imp_2sg}	прощение Евфимия Стефановича и исцеление его	приказ встать как символ прощения грехов	К + рит	я приказыв аю тебе встать	
14.	«Вним айте и разуме йте вси	свой	Б 124	V _{imp_2pl} + S	рассуждение об антихристе в Русской земле	создание представлени я или утверждение	А	я наказыва ю всем понять	

	послу шавши и...»					в нём			
15.	«Упок ой, господ и, душа раб своих... и учини их идеже присе щает свет лица твоего	Бог	Б 126	V_{imp2sg} + Voc	завершение рассуждения о подвиге мучеников	молитва Богу о мучениках за веру	К + сакр	я молю Тебя упокоить души Твоих рабов	

	»								
16.	«...мил енькие. .. о нас молите ся»	пострада вшие от никониан	Б 126	V _{imp2pl} + Voc	завершение рассуждения о подвиге мучеников	просьба о молитве	К	я прошу вас молиться	фактическ и это ещё и признание святости адресата
17.	«Потщ ися, окаянн ая, и убудис я...»	душа автора	Б 127	V _{imp_2sg} + Voc	разговор со своей душой	упорядочени е внутреннего конфликта	К + авто	я призываю тебя постарать ся	директив, обращённы й к самому себе
18.	«Вижд ь, мотыл олюбн ая, и то при	душа автора	Б 127	V _{imp_2sg} + Voc	разговор со своей душой	внушение самому себе	К + авто	я призываю тебя обратить внимание	

	тебе...»								
19.	«Безумная, ну-тко отпряни, исповедь Христа ...»	душа автора	Б 127	Voc +V _{imp_2sg}	разговор со своей душой	призыв самому себе	К + авто	я приказываю тебе измениться, исповедаться Христа	
20.	«Пребывайте, чада, о господ е пребывайте, и	свой (паства)	Б 128	V _{imp_2pl} + Voc	рассуждение о восьмиконечном и четырехконечном кресте	наказ быть с Богом и почитать правильный крест	К + дид	я наказываю быть с Богом, почитать правильный крест	

	крест Христо в трисос тавный почита йте...»								
21.	«Ну-су полно бранит ься — тово нам»	автор	Б 134	Pred	после экспрессивног о описания неаскетичного инока	самоогранич ение, приказ себе остановиться	К + авто	я велю себе остановит ься	«полно» — предикатив ное наречие с императив ным значением, разговорны е частицы «ну-су», «тово нам»

22.	«Не прогне вайся, госуда рь- свет, на меня... »	власть (царь Алексей Михайло вич)	Ч 189	$V_{neg_imp_2sg} +$ Voc	вставка во фрагмент с обличением патриарха Никона	предотвраще ние гнева, смягчение после фрагмента с обличением	Ф	я прошу тебя не гневаться	негативны й императив не означает запрет, этикетный элемент
23.	«...пом илуй мя, Алексе евич, дитяток о красно е,	власть (царь Феодор Алексеев ич)	Ч 205	$V_{imp_2sg} +$ Voc	начало челобитной – длительное подтверждени е лояльности	декларация верноподдан ства	Ф	я прошу тебя помилова ть	просьба соединяетс я с выражение м верноподда нства

	церковное!»								
24.	«Царю, от лютомя избави...»	власть (царь Феодор Алексеевич)	Ч 205	Voc + V _{imp_2sg}	в цепочке верноподданных высказываний	декларация верноподданства	Ф	я прошу тебя избавить	просьба соединяется с выражением верноподданства
25.	«Преудобренная невеста о Христова, не лучшили со	власть (царевна Ирина Михайловна)	П 203	Voc + Pred _{neg}	убеждает сестру царя оставаться в старой вере	убеждение вернуться к старой вере	А	я советую тебе примириться со Христом	

	Христо м помир итца и взыска ть старая вера... а новую блядь в гной спрята ть?»								
26.	«Умол и госуда ря-	власть (царевна Ирина Михайло	П 203	V_{imp_2sg}	желает испытания «Божиим судом»	просьба ходатайствов ать перед царём	К	я прошу тебя умолить царя	

	царя...»	вна)							
27.	«Уж мне баба указыв ает, как мне пасти Христо во стадо!»	«свой» (боярыня Ф. П. Морозова)	П 207	$S + V_{ind_3sg}$	в ответ на рекомендаци ю запретить духовному сыну причащаться	запрет, смешанный с иронией	К	я велю тебе не указывать	
28.	«Ну, друзец мой, не сердит уй жо!»	«свой» (боярыня Ф. П. Морозова)	П 208	$V_{oc} + V_{neg_2sg}$	завершение конфликтного фрагмента письма	примирение, предупрежде ние обиды	К	я прошу тебя не сердиться	не запрет, а восстановл ение контакта